

УДК 81'42; 801.7

М. А. Тулекова

магистр КазНУ имени аль-Фараби

Древо жизни

Аннотация. Для казахской культуры особенно характерно почитание дерева, у которого мощная корневая система. Народ и дерево крепки своими корнями. *Тамыр* - символ верного друга, побратима. Самобытность мировоззрения казаха проявляется в слиянии с природой: он боготворил одиноко растущее в степи дерево [6, 15]. Для осмысления всего этого, чтобы в дальнейшем передать эти знания следующему поколению, для изучения и сопоставления различных источников путём выбора самого близкого к истине, для осознания и понимания происхождения своего народа в целом, было составлено генеалогическое Древо Жизни.

Ключевые слова: дерево, корни, мудрость, обычаи, фольклорно-обрядовые традиции.

Будучи природным символом, дерево во многих культурах стало знаменовать динамичный рост, природное умирание и регенерацию. Почтительное отношение к дереву в разных культурах основано на вере в его целительную силу, на одушевлении его. В волшебных сказках деревья защищают, исцеляют, исполняют желания. Восточные славяне – лесные жители, а потому многие деревья они наделяли сверхъестественной силой и считали, что характер и будущее человека зависят от его связи с природой. Древние галлы (друиды) утверждали, что характер человека соответствует одному из деревьев: деревья, как и люди, бывают одинокие и групповые, деликатные и настойчивые, мощные и слабые. На этом основан гороскоп друидов.

Древо у славян – мотив приобщения к миру предков, что обусловлено и природными факторами, и фольклорно-обрядовыми традициями, и многовековым земледельческим укладом жизни, и мифическими представлениями о мировом дереве, древе жизни. Предание о мировом древе, которое обнимает корнями землю, а ветвями держит небо, славяне относят к дубу. Существует предание о железном дубе, на котором держатся вода, огонь и земля, а корень его покоится на божественной силе.

Деревья – плоды Матери-Земли. В славянской мифологии дерево рождено от брака земли и неба; его питают не только земля и вода, но и солнечный свет. Именно из-за своей принадлежности к двум мирам дерево занимает столь важное место в мифопоэтических пред-

ставлениях славян. Соединяя глубину и высоту не только в пространстве, но и во времени, дерево выступает как символ памяти о прошлом, образ самой вечности.

Восприятие дерева в русской культуре отражает лишь первый, исторический слой концепта, а следующим важным слоем концепта является отражение его в словарях. Согласно словарю В.И. Даля, дерево – «самое крупное и рослое растение». С ним связано много поверий, загадок, песен, обрядов. *Есть дерево: крик унимает, свет наставляет, больных исцеляет* (загадка – береза); *От доброго дерева и плод добрый; Куда дерево клонилось, туда и повалилось* (поговорки).

М.М. Маковский в «Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» выделяет у слова «дерево» следующие символические значения: «вместилище душ», «число», «музыка, гармония», «чудо», «жертвоприношение» (животные, приносимые в жертву божествам, часто подвешивались на деревьях) и др. Эти значения, в большинстве своем утраченные современным языком, неожиданно проявляются в поэзии [1, 166].

Описывая концепт «дерево», мы сталкиваемся с коллективной мудростью народа, с его обычаями и берегами. Например, Древо Жизни для казаха является источником самопознания и самосознания, так как именно через Древо Жизни ему представляется возможность узнать и осознать историю далёких и легендарных предков, их природу и дух, идеалы и интересы, традиции, обычаи, обряды, духовную культуру,

родовой знак, знамя, героев батыров, боевой клич – уран, генеалогию и географию, с кем был в родстве и соседстве, где и когда обитали, как назывались, с кем и почему воевали, какому правителю подчинялись [5, 122].

Совокупность человеческого рода от «сотворения» до наших дней теперь мы привычно представляем в образе Древа жизни. Иначе говоря, жизнь предстаёт в этой метафоре в виде дерева с сильной корневой системой, все ветви и побеги которой равноценны. «Древо жизни» – метафорический символ подразумевает единый ствол развития с чётким расположением на нём ветвей – пониже и повыше, верхушечной точкой роста (термин ботаники); устремлённости её к небу служат вместе ветви и листья, крона и корни.

Дерево у многих культур – мотив приобщения к миру предков, что обусловлено народными фольклорно-обрядовыми традициями и мифическими представлениями о Мировом Древе Жизни. Под названиями Древо Жизни и Древо познания Добра и Зла скрыта тайна равновесия мира. Древо Жизни представляет духовную точку баланса – секрет бессмертия. Древо познания Добра и Зла представляет полярность или несбалансированность – секрет смертности. Яблоня подразумевает познание воспроизводительного процесса, пробуждением которого устанавливается материальная вселенная. Аллегория Адама и Евы в Саду Эдема предстаёт космическим мифом, раскрывающим методы универсального и индивидуального самосознания и становления.

Многие народы рассматривают макрокосм как *божественное дерево*, растущее от одного семени, посеянного в пространстве. Согласно такой концепции, вся жизнь происходит от семени, что является причиной рассмотрения дерева как символа организованной жизни. Иконический комплекс *Дерево Ноя* показывает потомство Адама – народов, основанных сыновьями Ноя, а *Дерево Алхимии* символизирует, что семь металлов зависят от единого ствола солнечной жизни. Человек стремится изобразить в виде генеалогического дерева не только свою родословную, но и классификацию языков мира изображает в виде развесистого дерева.

Данный символ сегодня – ключ к раскрытию информации, вышедшей из недр жизненной практической необходимости – *самосознания*. В самом деле, символ *Древо Жизни* характеризуется упорядоченностью, определённой структурой, информацией, которая противо-

стоит хаосу и неупорядоченности. (Сравните: белка, бегущая по стволу Мирового Древа).

Шежире, как информация, закодированная в контекст казахской культуры, имеет отличный смысл от символа *Мировое Древо*. Дерево живёт в основном за счёт того, что в листьях происходит процесс фотосинтеза под влиянием солнечного света, а мощная корневая система, получая живительную влагу, подаёт её через ствол к этим самым листьям. Предание же о Мировом Древе, которое корнями обнимает землю, а ветвями держит небо, существует на основе понимания божественного происхождения дерева.

Древо Жизни в казахской культуре, как и развитие живой природы, можно рассматривать как процесс накопления наследственной информации – но, конечно, не как строгое арифметическое прибавление к уже имеющимся данным. Такое утверждение возможно потому, что накопление генетической информации – свойство, настолько общее для всей живой природы, что можно располагать всю последующую информацию по восходящей, разумеется, с боковыми ответвлениями.

Итак, *Шежире* можно считать и символом эволюции, поскольку эволюция – есть *непрерывный, непрекращающийся* процесс накопления информации. Древо Жизни – это ещё и символ *концептуального самоосознания*, что отображается в неуклонном наращивании генной цепочки. По мнению историка К. Даниярова, специфика изучения истории всех кочевых народов, у которых главным в их родословной является шежире, т.е. родоплеменное деление, в том, что этот факт является основным, главным для изучения их этногенеза и написания их истории.

Образ дерева мира засвидетельствован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах: «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево восхождения», «небесное дерево», «шаманское дерево» и т.п. Такое дерево соединяло небо, землю и подземный мир и служило гарантом всемирной гармонии и стабильности [Топоров]. Например, в скандинавской мифологии описано дерево Иггдрасиль. Образ дерева жизни Сефирот считается в еврейской культуре символом Творения. Древо жизни актуализирует мифологические представления о жизни во всей полноте ее смыслов.

Впервые понятия дерево и человек сближаются в стихотворении «С утра я тебя дождался вчера...» (1941): *И капли бегут по холодным ветвям. / Ни словом унять, ни платком утереть*. В числе стихотворений Тарковского

последних лет жизни есть одно под названием «В последний месяц...» (1978). В нем образ плачущего дерева-человека сочетается с размышлениями о близости смерти: *По седым ветвям / Стекали слезы чистые, / Какими / Одни деревья плачут накануне / Всеобесцвечивающей зимы.*

Далее слияние дерева и человека происходит на уровне морфологии:

*Как дерево поверх лесной травы
Распластывает листьев пятерню*

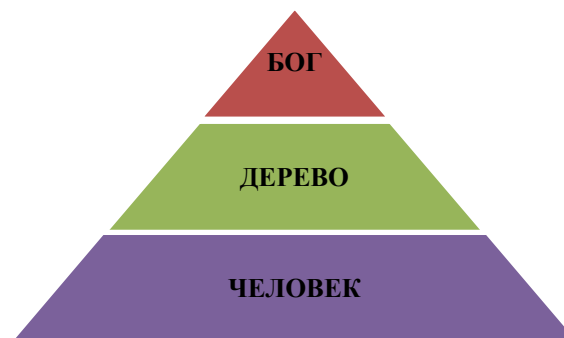
И, опираясь о кустарник, вкось,

И вишь, и вверх распространяет ветви
(«После войны», 1960).

Если строка *И капли бегут по холодным ветвям* может пониматься двояко, то указание на «лишьев пятерню» уже более конкретно. В «Полевом госпитале» (1964) раненые уподобляются деревьям: *Это было... / В кругу незамерзших болот, / Деревьев с перебитыми ногами... И далее: И марля, как древесная кора, / На теле затвердела.* В этом же стихотворении образ дерева и человек, и просто дерево: *...И ранняя весна / На цыпочки привстала и деревья / Окутала своим платком зеленым.*

Вслед за ногами у дерева появляется голова в стихотворении «Вторая ода» (1967): *Жарким деревом вниз головой.* Закономерное завершение поступательного превращения приводит к слиянию лирического героя и дерева: *Листьев не обожгло, / Веток не обломало...* («Вот и лето прошло...», 1967). Образ лирического героя описывается в «терминах» дерева: у него свои листья, которые можно обжечь, и ветки, которые можно обломать. Здесь на первый план выходит образ дерева-человека, автор отождествляет лирического героя с деревом, его (авторская) древесная ипостась воплощает мировую ось. Мы попадаем в самый центр авторского я – процесс интериоризации завершился. Как видно, особая роль древа мира в поэзии Тарковского заключается в том, что оно выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микроскосмом) и является местом их пересечения.

На метафизическом уровне метаморфоза приобретает характер тотальности, определяющей соположение лирического героя и дерева: *А я – наместник дерева и Бога, / И осужден твоим судом за песню* («После войны»). Во внутреннем пространстве образовавшегося треугольника человек–дерево–Бог оказывается идея единства всего живого на земле – одна из основных тем поэзии Тарковского.



Проследив трансформацию концепта *дерево* в поэзии Тарковского, можно сделать следующие выводы:

1. Трансформация концепта *дерево* в поэзии Тарковского проходит *постепенно* на морфологическом и метафизическом уровнях.

2. На морфологическом уровне лексемы, описывающие дерево, начинают обозначать человеческие части тела: пальцы, руки, ноги, туловище, голову. На метафизическом уровне лирический герой сливается с мировым деревом в разных интерпретациях (дерево-Россия, древо жизни с листьями-судьбами). В итоге в индивидуальной картине мира Тарковского лирический герой полностью отождествляется с деревом.

3. Особенностью концептуальной картины мира Тарковского является то, что ключевые понятия, такие как жизнь, человек, мир, судьба осмысливаются в текстах через концепт *дерево*.

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о нем, формируется некоторая модель, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира.

Таким образом, наблюдения над русскими поэтическими текстами позволяют дополнить модель концепта дерева следующим образом: место отдохновения и очищения; с деревьями связаны ясность, чистота, высота, целебная сила, но и опасность, тайна; дерево может и защищать.

Литература

- 1 Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2011.
- 2 Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2010.
- 3 Серикпаев К. Тайны тысячелетий тюркского мира. – Алматы, 2010.
- 4 Кшибеков Д.К. Истоки казахской ментальности. – Алматы, 2006.
- 5 Топоров В.Н. Древо мировое//Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев: В 2-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 398.